

УДК 323+321.7+316.647.82(04Б)

ПОСПЕЛОВА Ольга Вячеславовна, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Поморского государственного университета
имени М.В.Ломоносова. Автор 35 научных публикаций, в т.ч. 1 монографии и 3
учебно-методических пособий

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ЕЕ ПАРАДОКСЫ

Статья Поспеловой О.В. «Современная демократия и ее парадоксы» посвящена анализу современной либеральной демократии, ее притязаний и связанных с ними трудностей. В первой части рассматриваются противоречия, возникшие в хорде реализации проекта государства благосостояния. Вторая часть статьи посвящена анализу проблем, связанных с национальным государством, гражданством и универсалистскими притязаниями либерализма.

Либерализм, демократия, капитализм, национальное государство, гражданство, дискриминация.

В данной работе мы ставим себе целью рассмотреть два основных проблемных момента, связанных с современной демократией и становящихся предметом напряженных дискуссий. Первый момент касается серьезных противоречий, возникающих между основополагающими принципами современной либеральной демократии и базовой логикой капиталистических отношений. Вторым моментом связан с идеей национального государства, в рамках которого сегодня реализуются проекты либеральной демократии. Мы остановимся на связи современной демократии с идеей «нации» и на том, какие трудности здесь могут возникнуть с приверженностью либеральным ценностям. В современном мире для каждого индивида обладание политическими, гражданскими и социальными правами, а также возможности их реализации, теснейшим образом связана с наличием гражданства, причем «быть гражданином» какого-либо государства зачастую рассматривается как синоним к «быть частью нации».

Демократия и капитализм

Поскольку современная либеральная демократия основана на капиталистических отношениях, то считается чуть ли не аксиомой, что рыночная система и свободная конкуренция обеспечивают наилучшие условия и возможности для роста производительности и стимулирования индивидуальной инициативы. Предполагается, что наибольших успехов в таком обществе добиваются наиболее способные и предприимчивые. Такое устройство общества называют «меритократическим». Неравенство доходов при такой системе рассматривается как более справедливое, нежели при иных типах общественного устройства, поскольку оно обосновывается не традицией и происхождением, а различием заслуг и способностей. Предполагается, что привилегии, полученные за личные заслуги в политическом и морально-этическом плане более социально приемлемы, нежели привилегии унаследованные ¹. Однако Валлерстайн считает такую политическую социологию весьма сомнительной. В действительности «хороших мест» всегда оказывается гораздо меньше, чем способных людей.

Меритократическое общество строится на либеральных универсалистских принципах вроде «карьеры, открытой талантам». Однако, как замечает Валлерстайн, «вершина айсберга универсалистской идеологии скрывает под собой в качестве подводной части неравноправие, связанное с полом и расой» ². Подобное сочетание универсализма и меритократии создают «удачную» основу для легитимации этой системы со стороны среднего класса, а сексизм и расизм позволяют «структурировать» рабочую силу.

Демократические принципы требуют устранения, или, по крайней мере, ослабления подобного неравенства. Те, кому не удалось преуспеть, также должны иметь возможность пользоваться благами современного общества. Отсюда многие видят неразрешимую

дилемму современного общества в противоречии между требованием социальной справедливости и императивами экономической эффективности. Чтобы хоть как-то сгладить это противоречие понадобилось большее вмешательство государства в экономическую и социальную сферы, чем это предполагалось классиками раннего либерализма. Можно сказать, что вмешательство государства с целью социальной поддержки нуждающихся групп стало необходимо, чтобы покрыть издержки капиталистического развития. Концепция «социального государства» или государства благосостояния, исходит из того, что рынок сам по себе не способен обеспечить такое распределение материальных благ, и политическая власть рассматривается здесь в качестве важного элемента корректировки социальных издержек рынка. Главную цель сторонники этой концепции усматривают в том, чтобы добиться синтеза экономической свободы, социальной защищенности и справедливости. Однако далеко не все согласны с тем, что современное государство успешно справляется с этой задачей. Основной логикой капитализма является бесконечное увеличение капитала. Мы не будем здесь останавливаться на том, как именно эта логика вступает в противоречие с демократическими требованиями справедливости и равенства возможностей, поскольку этот вопрос детально проанализирован в работах многих исследователей «левого» толка, в частности у представителей миросистемного анализа. Укажем только на то, что логика капитализма предполагает неустранимое неравенство.

Программа социального государства подпитывалась энергией утопии трудового общества, выкристализовавшейся в XIX веке в виде ассоциации свободных и равных производителей. По мере того, как эта утопия утрачивала свою убедительность, идея социального государства теряла силу. Юрген Хабермас заявляет в одной из своих

работ, что с середины 1970-х годов политики осознали границы проекта социального государства, но ясной альтернативы ему до сих пор не видно ³. Однако прощание с утопическим содержанием трудового общества вовсе не означает исчезновение утопического измерения политики как таковой. Мы всего лишь прощаемся с иллюзиями, превратившимися в препятствия на пути реализации принципа социальной справедливости. Чтобы вновь обести жизнеспособность, проект социального государства должен стать рефлексивным.

Противоречия современной демократии во многом связаны с тем, что мы забываем о том различии в средствах и действиях, которые существуют между политической, экономической и социальной демократией. Политическая демократия успешно глобализуется. С 1985 по 2000 гг. доля населения мира, проживающего в «самых демократических» странах, увеличилась с 38 % до 57 % ⁴. В это же время XX век дает нам множество примеров неудач экономической демократии. Слепота в отношении некоторых составляющих элементов демократического проекта создает серьезное препятствие для поисков способа непротиворечивого сочетания его компонентов. В результате у граждан складывается впечатление упадка демократии, что ведет к политической апатии и отстранению граждан от политического процесса, в результате чего демократия действительно может прийти в упадок.

Экономическая демократия предполагает, что экономическая власть должна находиться под демократическим контролем. С. Ринген выделяет пять проблем, возникающих там, где публичная демократическая политика встречается с капитализмом. (1) В ходе экономического роста колоссально усиливается экономическая власть. Чем крупнее капитал, тем громче голос его держателя. (2) Частный капитал не только накапливается, но и все сильнее концентрируется в

руках небольшой элиты. (3) В ходе экономической либерализации частный капитал получает доступ к сферам, ранее находившимся под непосредственным политическим контролем (например, приватизация в области коммунальных услуг, системы образования, здравоохранения и пр.). (4) В то время, как политическая власть вытесняется или вытесняется из рыночных сфер, частная экономическая власть вторгается в политические сферы ⁵. (5) Рынки капитала приобретают международный характер и начинают покидать национальное государство, что радикально укрепляет власть капитала. Он все более освобождается от политического контроля, который в основном сосредоточен в руках национальных государств. В то же время капитал приобретает возможность шантажировать национальные государства «бегством» на рынки тех стран, чья политика в большей степени отвечает его интересам. «Реальность этой угрозы [бегства] наделяет капитал беспрецедентным правом вето применительно к экономическому законодательству» ⁶.

Основное противоречие между политической и экономической демократией заключается в том, что граждане демократических стран не готовы жертвовать своим процветанием ради равенства. Они скорее согласятся на компромисс, и частично пожертвуют равенством во имя процветания или хотя бы надежды на него. Возникает вопрос: возможно ли сделать экономическую власть демократической, не принося в жертву эффективность?

Чтобы ответить на него, разберем два типа экономической власти: «право свободы», т.е. право человека самому/самой организовывать свою жизнь, и «право господства», т.е. право навязывать выбор другим людям. Эти два типа власти очень неравномерно распределены между классами. Совершенно очевидно, что в низшем классе наблюдается дефицит экономической власти. Бедные люди лишены права господства и не обладают достаточными

экономическими ресурсами для эффективной свободы. Ситуация среднего класса (к нему причисляют большинство населения в развитых странах) довольно неоднозначна. Те, кто к нему принадлежит, как правило, имеют деньги для удовлетворения своих потребностей и потому обладают правом свободы в значительной степени, однако излишков у них мало, либо вообще нет. Следовательно, они лишены права господства. Они имеют свободу выбора, но экономическая власть, в значительной степени определяющая пределы этого выбора, находится в руках других ⁷. Излишки экономической власти концентрируются в руках верхнего класса, представители которого обладают и экономической свободой, и фактической монополией на право господства. Поскольку такое распределение власти в настоящее время преобладает и является неудовлетворительным с демократической точки зрения, то требуется перераспределения экономической власти в пользу тех, у кого ее «слишком мало», за счет тех, у кого ее «слишком много» ⁸.

Возникает вопрос, при каких условиях и в какой степени возможно задействовать политическую власть для распределения власти экономической? Пока соблюдаются принципы политической демократии, экономическая власть верхнего класса не может пересилить политическую власть среднего класса. Конфликт интересов среднего и верхнего класса может быть разрешен только посредством наиболее убедительной аргументации. Наиболее выгодным и сильным аргументом для верхнего класса является «императив эффективности», ибо он касается уровня жизни среднего класса и сохраняет «нравственный капитал» верхнего класса. Однако возможен такой способ действия, при котором низший и средний класс смогут отобрать часть экономической власти у верхнего класса, не дав тому возможности найти защиту в аргументе экономической эффективности. Речь, разумеется, идет об очень сбалансированных

мерах. Для того, чтобы они не только стали успешными, но и вообще были возможны, должны соблюдаться следующие условия:

1. Мобилизация среднего класса с целью наиболее эффективно использовать имеющуюся у него политическую власть.

2. Чтобы средний класс проявил заинтересованность в экономической демократии и мобилизовался с целью ее достижения, последняя должна принимать такие формы, которые будут приносить осязаемую выгоду для конкретных представителей среднего класса.

3. Экономическая демократия не должна ставить под угрозу эффективность экономики страны, иначе она отпугнет представителей среднего класса риском снижения уровня жизни.

Как видим, эти условия сосредотачиваются вокруг среднего класса, который является наиболее многочисленным в развитых странах, а потому обладает наибольшей политической властью. Однако для того, чтобы средний класс включился в процесс перераспределения экономической власти, подразумевающий определенную солидарность с самыми нуждающимися слоями населения и конфликт с высшим классом, а также атаку на бюрократию, необходим высокий уровень сознательности. Не вполне понятно, что сможет так заинтересовать средний класс, чтобы он стал вдруг активным агентом социальных преобразований для защиты демократического качества общества и отчасти, хотя бы на время, пожертвовал столь желанной для него стабильностью.

Ринген полагает, что средний класс можно заинтересовать, если поставить вопрос не о коллективизации экономической власти, как трактовали экономическую демократию до сих пор, а в более индивидуалистическом ключе – как вопрос перераспределения экономической власти между людьми. Однако если средний класс более политически инертен, чем это допускается в концепции Рингена, или же более консервативен, тогда совмещение

политической и экономической демократии оказывается гораздо более сложной задачей. В любом случае, этот рецепт реализуем только в странах «капитализма центра» и практически бесполезен для стран периферийного (и, возможно, полупериферийного) капитализма.

Либеральная демократия и национальное государство

Если мы понимаем под «демократией» подлинный контроль над действиями власти со стороны большинства, а также реальную возможность культурного и политического самовыражения для всех меньшинств и положительное отношение общественности к открытым и легитимным политическим дебатам, то должны признать, что даже в демократических «развитых» странах реализация этих принципов сталкивается с серьезными препятствиями. Различные авторы предлагают свои объяснения этих трудностей.

Шанталь Муфф видит их источник в том, что в саму природу либеральной демократии вписан серьезный парадокс⁹. Этот парадокс возникает вследствие того, что демократия как форма политической организации в качестве ключевого термина предполагает «народ», и таким образом связана с идеей национального государства. Либерализм же исходит из идеи абстрактного индивида, который является носителем универсальной «человеческой природы», и на этой основе утверждает равенство всех людей.

Доведенный до своего логического предела, принцип эгалитаризма требует, чтобы гражданство не было ограничено национальными государствами, а стало интернациональным. Такие теоретики, как Дэвид Хелд, говорят о необходимости космополитического демократического закона, к которому могли бы обращаться граждане в случае нарушения их прав собственными государствами¹⁰. Р. Фальк предрекает появление «граждан-пиллигримов», преданных незримой политической общности своих надежд и чаяний¹¹. В пользу

космополитического сознания высказывается и М. Нуссбаум¹². Другие же заявляют, что подобные тенденции ставят под угрозу демократические формы правления. Они считают, что суверенное национальное государство является необходимым локусом гражданства, и оно было и остается бастионом стабильности в современном глобализирующемся мире.

По мнению Муфф, в этом споре отражены типичные противоречия между демократическими и либеральными требованиями, подмеченные еще в начале XX века политическим мыслителем «правого» толка Карлом Шмиттом. Хотя консервативные взгляды Шмитта чужды Муфф как стороннице «левого» проекта «радикальной демократии», тем не менее она находит его критику полезной для анализа таких вопросов, как границы гражданства и природа либерально-демократического консенсуса.

В предисловии ко второму изданию «Духовно-исторического состояния современного парламентаризма» (1926) Шмитт заявляет, что «всякая действительная демократия основывается не только на принципе равенства равных, но и на том, что к неравным нельзя относиться как к равным. Поэтому демократия нуждается, во-первых, в однородности, а во-вторых, — при необходимости — в уничтожении или искоренении неоднородности»¹³.

Шмитт не просто различает, но противопоставляет либеральную и демократическую концепции равенства. Либеральная концепция гласит, что каждый человек как личность заведомо равен другому человеку. Демократическая же концепция зиждется на идее «народа», и потому требует различать тех, кто к нему принадлежит, и тех, кто не принадлежит данному народу. Необходимым условием любой демократии оказывается наличие «субстанции равенства», предполагающей «однородность». На языке современной политической мысли это чаще всего именуется «сильной

идентификацией», создающей нацию как единое целое. И то, и другое служит для прочерчивания границы между «своими» и «чужими». Сторонник коммунитаризма Чарльз Тейлор пишет, что «общества, которые мы стремимся создать – свободные, демократические, стремящиеся к равенству, – требуют сильной идентификации со стороны своих граждан... Это означает... осознание особой связи с людьми, участвующими в этом проекте... Гражданская демократия особо уязвима к отчуждению, которое является результатом глубокого неравенства»¹⁴. Тейлор объясняет, какую угрозу для демократии могут нести социальное и культурное неравенство между членами одного общества, однако из этого с необходимостью не следует, что демократия как таковая отрицает всякое неравенство в принципе. Высказанное Тейлором требование равенства не распространяется на тех, кто не принадлежит данному обществу или не допускается к участию в «общем проекте».

Для Шмитта равенство интересно и ценно в политическом смысле лишь до тех пор, пока обладает «субстанцией» и потому таит в себе возможность неравенства. Отсюда следует вывод, что тотальное космополитическое равенство, равенство всех людей, не может служить основанием государства и вообще какой-либо политической формы правления, ибо в этом случае будет невозможен «Чужой», наличие которого, согласно Шмитту, есть конститутивный момент всякого политического бытия. Шмитт настаивает на существовании неустранимого противоречия между по своей природе моральным (а не политическим) либеральным дискурсом индивидуализма и демократическим идеалом, который является политическим и нацелен на создание однородной идентичности.

Для Муффа особой ценностью обладает замечание Шмитта о том, что политическое равенство в обязательном порядке подразумевает различие. Существенным моментом оказывается сама возможность

установления границы между теми, кто принадлежит к народу и потому имеет равные права, и теми, кто в политической сфере не могут обладать теми же правами, потому что они не являются частью народа. Такое демократическое равенство, выражающееся сегодня в гражданстве, служит, с его точки зрения, основой всех остальных форм равенства. Даже если бы, полагает Шмитт, какое-либо государство попыталось бы установить всеобщее равенство в политической сфере, то это привело бы лишь к обесцениванию самого политического, при этом субстантивные проявления неравенства бы не исчезли, но просто переместились бы в другую сферу, например, экономическую, которая приобрела бы большее значение, чем политика, и господствовала бы над последней.

Муфф указывает на важность этих замечаний для объяснения современного господства экономики над политикой и предостерегает тех, кто считает, что глобализационных процессов современности достаточно для того, чтобы заложить основы всемирной демократии и космополитического гражданства. Рассуждения Шмитта, сколь бы одиозными не казались нам его идеологические посылки, показывают, какую роль в современных либеральных демократиях играют стратегии включения / исключения. Логика демократии, полагает Муфф, неизбежно предполагает момент замыкания, которого требует сам процесс создания «народа», «нации». Этого невозможно избежать даже в либерально-демократической модели. Потребность провести границу между «ними» и «нами» приводит демократию к отношениям включения / исключения. Одна из основных проблем либерализма, полагает Муфф, состоит в неспособности осмыслить такую границу.

Муфф признает различие либерализма и демократии, но рассматривает их артикуляцию в ином, отличном от Шмитта, ключе. Такую артикуляцию можно считать *локусом противоречия*, задающим динамику, которая и будет отличительной характеристикой

либеральной демократии как новой политической формы общества. Несмотря на то, что логики демократии и либерализма различаются, их совместная артикуляция может дать позитивный эффект. Демократическая логика, требующая образования политических общностей, необходима, чтобы преодолеть свойственную либеральному дискурсу тягу к абстрактному универсализму. Либеральная же логика в силу своего обращения к идее «человеческой природы» и полемическому использованию «прав человека» позволяет нам постоянно ставить под вопрос различные формы исключения, которые неизбежно возникают в ходе политической практики установления этих прав. Однако полное равновесие между этими двумя логиками недостижимо. Вместо этого мы можем рассчитывать только на временные решения и относительное примирение, достигаемое в ходе прагматических, шатких и неустойчивых переговоров.

Дилемма Шмитта – либеральный плюрализм vs демократическое народное единство – оказывается несостоятельной в силу ее исходных посылок. Он понимал единство государства и идентичность народа как заранее данные «субстанции», в результате чего граница между «своими» и «чужими» предстает внеисторической и внеполитической, что делает ее оспаривание невозможным. Такая точка зрения выглядит не только метафизичной, но и весьма самопротиворечивой. Получается, что единство народа *не* есть политический конструкт, однако распад этого единства все же рассматривается как *политическая* возможность.

Если мы примем во внимание, что любое политическое единство есть результат политических процессов, то можем оспорить идею Шмитта о том, что демократия должна исключать любой плюрализм внутри конкретного политического целого. Идентичность народа – это форма политической артикуляции, а не просто констатация

эмпирических различий. Демократическая политика, как видит ее Шанталь Муфф, «...это не та, при которой окончательно установившийся народ осуществляет свое правление. Момент правления неразрывно связан с самой борьбой за определение народа за установление его идентичности. Однако такая идентичность никогда не может быть окончательно установлена... Либеральная демократия означает признание этого основополагающего разрыва между народом и его разнообразными идентификациями. Поэтому важно всегда сохранять пространство соперничества открытым...»¹⁵.

Борьба за установление «народа» всегда ведется в конфликтной области, а потому неизбежно присутствует различие между «нами» и «ними». Однако «они», «другие» - не вечные чужаки, ибо граница, определяющая «их» и «нас» всегда подвижна. Демократический режим нуждается в плюрализме, поскольку без множества соперничающих сил, пытающихся определить общее благо и стремящихся закрепить идентичность сообщества, политическая артикуляция народа невозможна. В противном случае, как замечает Муфф, мы пребывали бы либо в области экономики, либо в области этики, но не в области политики.

В заключение можно сделать вывод, что демократические ценности и практики утверждаются в мире, полном социальных, экономических, политических и культурных противоречий, и потому сами оказываются вовлечены в противоречивые процессы и дискурсы. Кроме того, демократические принципы и нормы, и отношения, определяющие нашу идентичность, суть исторические продукты. Это не означает, что они лишены прочности и смысла, но, как подчеркивает Валлерстайн, наши ценности, узы преданности и идентичности никогда не были изначальными¹⁶. Вырабатываемые в конкретных условиях, они нуждающиеся в постоянном обсуждении и

корректировке с целью учета интересов все большего и большего количества групп и снижения уровня насилия и неравенства.

Примечания

¹ Валлерстайн И. Идеологические противоречия капитализма // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003. С. 43

² Там же. С. 43, 46

³ Хабермас Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии // Ю. Хабермас, Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 94

⁴ UNDP, Human Development Report 2002 (New York: United Nations Development Program / Oxford University Press, 2002), p. 15.

⁵ Основной механизм этого процесса, согласно Рингену, заключается в увеличении затрат на содержание партий и политические кампании, в результате чего политическая власть порой оказывается в руках тех, кто способен финансировать политическую деятельность и заинтересован в этом.

⁶ Ринген С. Распределительная теория экономической демократии // Логос, 2004, № 2. С. 114 - 115

⁷ Там же. С. 119

⁸ Там же. С. 120

⁹ См.: Муфф Ш. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии // Логос, № 6 (45), 2004. Сс. 140-153

¹⁰ David Held, *Democracy and the Global Order*, Cambridge, 1995.

¹¹ Richard Falk, *On Human Governance*, Cambridge, 1995.

¹² Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм. // Логос, № 2 (53), 2006. сс. 110 - 119

¹³ Carl Schmitt, *The Crisis of Parliamentary Democracy*, trans. Ellen Kennedy, Cambridge, MA, 1985, p. 9.

¹⁴ Тейлор Ч. Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос, № 2, 2006. С. 130

¹⁵ Муфф Ш. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии // Логос, № 6 (45), 2004. С. 152-153

¹⁶ Валлерстайн И. Послесловие // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003. С.259

Pospelova Olga

CONTEMPORARY DEMOCRACY AND ITS PARADOXES

The article “Contemporary Democracy and its Paradoxes” by O.V. Pospelova is devoted to analysis of problems, claims and hardships connected with liberal democracy. The first part of this article is focused on antagonisms which have been emerged in the course of realization of welfare state project. The problems connected with national state, citizenship and claims of liberalism are handled in the second part of the article.

Контактная информация :
163060 г. Архангельск, ул. Тиме 9-1-30;
мобильный телефон: +7 921 600 55 07
e-mail: polga74@gmail.com

